

В. М. Зубарь, С. Б. Сорочан

**СВЕТИЛЬНИКИ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ
АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ**

Исследование вопросов, связанных с идеологией населения античных городов Северного Причерноморья, является одной из задач отечественной исторической науки. Однако если официальные и частные культы, благодаря разнообразию источников, исследованы достаточно хорошо, то представления и верования населения причерноморских центров, связанные с заупокойным культом и погребальным обрядом, еще недостаточно изучены. Для решения этих вопросов, как правило, привлекались в основном данные письменных и эпиграфических источников, а также широкие аналогии по античным центрам Средиземноморья. Материалы некрополей античных городов Северного Причерноморья играли вспомогательную роль, иллюстрируя то или иное хорошо известное положение.

Погребальный обряд античных центров юга нашей страны связан с идеологией греческого общества. Ритуальные действия во время похорон, вещи, клавшиеся в могилу вместе с умершим, обуславливались определенными представлениями о загробном мире и несли определенную смысловую нагрузку. Поэтому тщательное исследование ритуала захоронения и погребального инвентаря может в значительной степени помочь изучению вопросов, связан-

ных с идеологией античного общества, и позволит выяснить, с какими представлениями и верованиями следует связывать тот или иной предмет, входивший в состав инвентаря могил.

Настоящая статья посвящена одной из категорий погребального инвентаря — светильникам. Время их появления и роль в античных некрополях Северного Причерноморья в отечественной литературе не изучены. В работах зарубежных авторов, посвященных светильникам, содержится лишь констатация их присутствия в погребальном инвентаре¹. В данной статье мы попытаемся выяснить, с какими именно представлениями связано наличие светильников в могилах, определить время их появления в некрополях античных центров Северного Причерноморья, а также объяснить причину увеличения в позднеантичный период количества светильников в погребениях.

Практика использования светильников в качестве погребального инвентаря возникла на Востоке в III тыс. до н. э. и получила широкое распространение в Средиземноморье, начиная с классического периода². Однако не везде этот обычай сразу завоевал популярность. В Греции, например, светильники не были непременным атрибутом погребального инвентаря, хотя с умершим обычно клали множество предметов, необходимых ему, по мнению древних, в загробной жизни. Только с V в. до н. э. среди погребального инвентаря греческих могильников метрополии начинают встречаться светильники³. Причину этого, очевидно, следует искать в достаточно позднем, по сравнению со странами Востока, проникновении светильников в греческую культуру⁴. Лишь в первые века нашей эры характерной чертой становится наличие светильников в греческих погребальных комплексах⁵. Римляне, очевидно, унаследовали обычай ставить светильники в могилу от этрусков, в захоронениях которых последние, хотя и греческого производства, встречаются довольно часто⁶.

Таким образом, использование светильников при захоронении постепенно становится составной частью греческого погребального ритуала и культа мертвых. Человек издавна верил в магическую очистительную силу огня. Он воспринимался как символ души, человеческой жизни⁷. Считалось, например, что если во время родов потухнет светильник, то новорожденный непременно умрет⁸. В связи с этим интересен рассказ Диона Хрисостома о выборе имени для новорожденного. Процедура начиналась с того, что зажигалось несколько светильников, каждому из которых присваивалось «имя». Младенцу давалось «имя» светильника, который погас последним, видя в этом божественное предзнаменование долгой жизни⁹. Поэтому поставленные в могилу светильники являлись не только погребальным инвентарем, но и служили символическим религиозным целям, приобретали значения культовых приношений¹⁰. Они должны были защищать душу умершего и освещать ей путь во мраке в потустороннем мире.

Свет играл определенную роль в погребальном ритуале и верованиях, связанных с культом мертвых, не только у греков, но

и у римлян¹¹. Судя по некоторым письменным и эпиграфическим источникам, римляне предписывали в завещаниях своим наследникам зажигать ежедневно, каждый месяц или только в определенные дни года огонь на их могилах¹². Нередко эпитафия сулила прохожему всяческие блага, если он, проходя мимо, зажжет на могиле светильник «...quisque huic tumulo posuit ardente(m) lucernam, illius cineres aurea terra tegat»¹³.

В Северном Причерноморье наиболее ранняя находка светильника зафиксирована в Ольвии. Здесь в погребении найден ионийский светильник, датируемый второй половиной VI — началом V вв. до н. э.¹⁴ Но в классическом некрополе Ольвии светильников найдено немного. К этому времени можно отнести только девять экземпляров¹⁵. В погребениях эллинистического времени они также редки. Из 84 могил конца IV — начала III вв. до н. э. светильники встречены в 3, причем в одном случае светильник найден в насыпи могилы, а в другом — среди инвентаря склепа, где было совершенно погребение римской эпохи¹⁶. Из 98 ольвийских погребений III в. до н. э. 7 имели в составе инвентаря светильники, а обломок найден при расчистке земляного склепа¹⁷. Во II в. до н. э. количество могил со светильниками несколько увеличивается. В 7 из 50 погребений этого времени в составе погребального инвентаря¹⁸ найдены светильники. Что касается Боспора и Херсонеса, то находки светильников в могилах классического и эллинистического времени редки и исчисляются единицами.

В первые века нашей эры, несмотря на некоторое увеличение количества погребений со светильниками, значительных изменений не происходит. В Ольвии из 111 могил и земляных склепов, преимущественно III в. до н. э. — III в. н. э., только в 10 были обнаружены светильники¹⁹. При этом следует учитывать, что значительное количество погребальных сооружений было ограблено²⁰.

В некрополе Пантикапея из 545 могил, открытых в 1902 г., только в 15 в составе инвентаря найдены светильники²¹. Причем все они происходят из некрополя первых веков нашей эры, расположенного на Глинище. Из 144 погребений, раскопанных В. В. Шкорпилом в 1904 г. на горе Митридат, лишь в 2 зафиксированы светильники²². Среди 36 склепов, исследованных там же, только в одном обнаружен светильник²³, а в 37 могилах, открытых в этом же году на Глинище, их вообще не было²⁴. Светильники были найдены в 1905 г. в одной могиле и двух склепах римского периода, раскопанных на горе Митридат²⁵. Остальные 105 погребальных сооружений этого участка некрополя светильников не содержали. В том же году при раскопках 66 погребений некрополя на Глинище только в двух комплексах светильники входили в состав погребального инвентаря²⁶.

На первый взгляд может показаться, что на Боспоре в III—IV вв. н. э. количество светильников в погребениях не увеличивается²⁷. Однако при анализе количества светильников следует учитывать тот факт, что в большинстве склепов этого времени имелись ниши, которые использовались для размещения светильни-

ков²⁸. В некоторых из них светильники были обнаружены в процессе раскопок, а иногда ниши сильно закопчены и носили следы их установки²⁹. Насколько можно судить по материалам боспорских некрополей, с III в. н. э. наблюдается тенденция к увеличению количества светильников в составе погребального инвентаря.

В Херсонесе при раскопках некрополя у Карантинной бухты в 1901—1902 гг. из более чем 300 погребальных сооружений римского времени светильники зафиксированы только в 18³⁰. Процент погребений, в состав инвентаря которых входили светильники, был, видимо, выше, но говорить уверенно об этом нельзя, так как большинство могил в данном районе было ограблено еще в древности. В 1902 г. из 14 неограбленных погребений, открытых у подножья Девичей горы, в четырех оказались светильники, причем по несколько экземпляров в одном захоронении³¹. В периболе 13-й куртины из 30 погребений, представленных в основном трупосожжениями в урнах, лишь в двух случаях найдены светильники³².

В Херсонесе количество погребальных сооружений, преимущественно склепов, в инвентаре которых обнаружены светильники, начинает увеличиваться с конца II—III вв. н. э. В III—IV вв. н. э. погребения без светильников почти полностью исчезают. Раскопки участка позднеантичного некрополя, расположенного у Загородного храма (1902—1903 гг.), показали, что в 60 % всех погребальных сооружений присутствовали светильники, а посуда в 33, изделия из стекла — 38 % могил³³. С 1902 по 1904 гг. здесь открыто 185 погребальных сооружений и в 51 из них оказались светильники³⁴. Приведенные данные свидетельствуют, что в позднеантичный период светильники стали класть в каждое 3—4 погребение, тогда как в I—II вв. н. э. их клали только в одно из 10—15.

Говоря об использовании светильников в погребальном обряде населением Херсонеса, отметим, что в первые века нашей эры в погребальных комплексах варварского населения Юго-Западного Крыма они отсутствуют, хотя в это время античный импорт являлся неперменной составной частью погребального инвентаря в могильниках округи Херсонеса. Только в трех погребениях могильников Бельбек I и IV среди инвентаря обнаружены светильники³⁵. Очевидно, это можно объяснить различием верований населения Юго-Западного Крыма и Херсонеса о потустороннем мире³⁶.

В некрополе Херсонеса светильники встречаются как в погребальных сооружениях с трупоположением, так и в могилах, где умершего хоронили по обряду кремации. Как правило, в грунтовых могилах вместе с умершим ставился один или два светильника³⁷. В склепах, которые не были ограблены и исследовались с соблюдением требований методики раскопок, рядом с погребенным обычно фиксировалось по одному-двум экземплярам³⁸. В погребениях с кремацией количество светильников зависело от числа кремированных и, как правило, не превышало одного или двух³⁹. В семейных усыпальницах, содержавших трупоположение, их общее количество больше⁴⁰. В целом анализ материалов не-

некрополя Херсонеса показывает, что светильники реже входили в состав погребального инвентаря могил с кремацией, чем захоронений, совершенных по обряду трупоположения.

В размещении светильников в могиле нельзя проследить какой-либо закономерности. Они ставились на гроб⁴¹, около головы⁴², возле рук и в ногах умершего⁴³, вкладывались в урны с пеплом⁴⁴, или же ставились рядом с ними⁴⁵. Аналогичное положение светильников в погребениях отмечается и в других античных некрополях Северного Причерноморья⁴⁶. В склепах светильники вместе с инвентарем помещались в специальных нишах, подобно тому, как это делалось в жилых домах. Некоторая часть ниш, названных в отчетах «малыми нишами для установки урн», специально предназначались для размещения светильников⁴⁷. Использование ниш для размещения светильников и другого погребального инвентаря хорошо известно по материалам некрополей Ольвии, Пантикапея и Римских катакомб⁴⁸.

Как показывают материалы некрополя Херсонеса, светильники входили не только в состав инвентаря, но и служили для освещения погребальной камеры. Об этом свидетельствуют выемки со следами копоти, а также специальные углубления для установки светильников в стенах погребальных камер некоторых склепов⁴⁹. В одном склепе ниша, предназначавшаяся для светильников, была закопчена и на слое земли остались отпечатки донышек нескольких светильников⁵⁰. Иногда светильники ставились на полочку подпирного столба, соорудившегося в камерах склепов⁵¹, или в естественные трещины скалы, где вырубался склеп⁵².

Возможно, для установки светильников использовались бронзовые канделябры-подставки. Хотя в Херсонесе и Ольвии при раскопках они не найдены, на Боспоре канделябры встречаются с классического до позднеантичного времени⁵³. Интересно, что изображение канделябров с горящими светильниками отмечено в росписи нескольких боспорских склепов, которая, вероятно, несла определенную культовую нагрузку⁵⁴.

В настоящее время трудно сказать, какие светильники преобладали в некрополе Херсонеса. Вопрос о местном производстве светильников окончательно не решен и требует дальнейшего специального изучения. Судя по формам, найденным в Херсонесе, можно говорить о том, что в городских гончарных мастерских в IV—V вв. изготовлялась только некоторая часть маленьких грубых светильников и светильников с ручкой в виде креста. Однако и те, и другие имеют прототипы среди импортных светильников, изготовленных из глины явно не херсонесского происхождения.

На щитках светильников первых веков нашей эры, как правило, помещались изображения. Мало вероятно, чтобы светильники с определенными сюжетами (гладиаторы, цирковые игры, корабли, Мен, Серапис, Юпитер-Аммон, Гермес, эроты и др.) специально подбирались для погребения, так как светильники, обнаруженные в некрополе, почти всегда носят следы использования

Светильники из некрополя Херсонеса.

или же украшены изображениями, не имеющими ничего общего с заупокойным культом (жанровые сцены, эротические сюжеты).

Обычно среди погребального инвентаря некрополя находят такие же светильники, что и при раскопках жилых кварталов Херсонесского городища (рисунок). Возможно, что светильники с определенными изображениями применялись не только в быту, но и в качестве культовых приношений. В зависимости от обстоятельств символика изображения могла трактоваться по-разному. Например, Гермес рассматривался как проводник сновидения⁵⁵, и светильники с его изображениями могли стоять в спальнях покоев. Вместе с тем он является проводником душ умерших — *ψυχοπομπος*⁵⁶, что свидетельствует о связи с погребальным ритуалом. Подобная двойственность сюжетов характерна для большинства светильников из некрополя Херсонеса, и поэтому трудно утвер-

ждать, что изображения на щитках светильников были непосредственно связаны с заупокойным культом.

Приведенные данные позволяют говорить о том, что в античных городах Северного Причерноморья так же, как и в метрополии, практика применения светильников в погребальном обряде классического и эллинистического периодов не получила широкого распространения. В I—II вв. н. э. они довольно редки в погребальных комплексах. И только начиная с конца II—III вв. н. э. их количество значительно увеличивается. Последнее, очевидно, можно объяснить определенными изменениями в идеологических представлениях античного общества, что привело к увеличению роли света, а следовательно, и светильников в погребальном обряде.

Усиление религиозного синкретизма и проникновение в античные города Северного Причерноморья новых восточных культов наложило своеобразный отпечаток на идеологические представления населения этих центров⁵⁷. В Херсонесе в первые века нашей эры сохранялся греческий пантеон, который в основном сложился здесь в эллинистическую эпоху⁵⁸. Но, наряду с этим, разнообразные источники II—III вв. н. э. свидетельствуют о появлении в городе adeptов новых верований, связанных с новыми религиозными течениями, в которых значительное место занимала вера в бессмертие души и загробное блаженство⁵⁹. Распространение среди части населения новых религиозных течений, очевидно, привело к определенной трансформации верований, связанных с заупокойным культом и ритуалом захоронения, что не могло не отразиться на материалах некрополя.

В позднеантичный период в составе погребального инвентаря некрополя появляются горшочки с надписями *dipinti*, которые, безусловно, связаны с новыми для Херсонеса культовыми представлениями⁶⁰. Интересно, что среди надписей на сосудах имеются имена восточных божеств, самым тесным образом связанных с потусторонним миром. Некоторые горшочки украшены листьями плюща и других растений, которые рассматривались как символ бессмертия⁶¹. Э. И. Соломоник считает, что эти горшочки в могилах играли роль апотропеев и свидетельствуют о вере в покровителей мертвых, которые должны были охранять захоронения и заботиться о душах, обеспечивать им бессмертие и вечное блаженство⁶².

Заметное увеличение количества светильников в составе погребального инвентаря в III—IV вв. н. э., очевидно, также можно связывать с новыми явлениями в религиозной жизни и с появлением у части населения города новых представлений о потустороннем мире. Во всех восточных культах, следы которых прослежены в Херсонесе, свет занимал видное место⁶³. Все эти культы были хтоническими и в той или иной мере связывались с представлениями о загробном мире⁶⁴. Поэтому увеличение количества светильников в составе погребального инвентаря, скорее всего, необходимо рассматривать в тесной связи с влиянием новых религиоз-

ных представлений, а также с распространением учений о бессмертии души. Дальнейшим развитием веры в загробное блаженство, очевидно, объясняется значительная роль света и светильников в раннехристианском погребальном ритуале⁶⁵.

¹ *Daremberg Ch., Saglio Edm.* Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, T. 3 (L—M).— Paris, 1904, s. 1336—1339; *Bernhard M. L.* Lampki starożytność.— Warszawa, 1955, s. 79—80; *Bailey D. M.* Greek and Roman Pottery Lamps. Published by the Trustees of British Museum.— London, 1963, p. 12.

² *Bailey D. M.* Op. cit., p. 12.

³ *Kurtz D. C.* Boardman J. Greek burial Customs.— London, 1974, p. 211; *Shear T. L.* Excavations in the Theatre District and Tombs of Corinth in 1929.— AJA, vol. 3, N 4, 1929, p. 536.

⁴ *Bernhard M. L.* Op. cit., s. 79.

⁵ *Kurtz D. C.*, Boardman J. Op. cit., p. 211; *Dusenbery E. B.* Excavations in the South necropolis at Samothrace 1962.— AJA, vol. 67, N 2, 1963, p. 210.

⁶ *Bernhard M. L.* Op. cit., s. 80.

⁷ *Клингер В.* Животное в античном и современном суевии.— Киев, 1911, с. 294.

⁸ *Plin.* NH, VII, 43.

⁹ *Dio. Chris.* Hom., XII, in Epist. ad Cor., 7.

¹⁰ *Bailey D. M.* Op. cit., p. 12.

¹¹ *Suet.* Aug., 98.

¹² *Walters H. B.* History of Ancient Pottery Greek, Etruscan and Roman.— London, 1905, p. 398.

¹³ *Daremberg Ch., Saglio Edm.* Op. cit., s. 1337.

¹⁴ *Козуб Ю. І.* Некрополь Ольвії V—VI ст. до н. е.— Киев, 1974, с. 106, рис. 53, 1.

¹⁵ Там же, с. 106.

¹⁶ *Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвинэллинистического времени.— Киев, 1974, с. 166, № 46; с. 172, № 72; с. 175, № 80.

¹⁷ Там же, с. 197, № 108; с. 186, № 140; с. 191, № 159; с. 193, № 165; № 167; с. 194, № 170, с. 195, № 172; с. 196, № 175.

¹⁸ Там же, с. 199, № 187; с. 200, № 193; с. 201, № 200; с. 203, № 206; с. 207, № 222; с. 208, № 229; с. 209, № 230.

¹⁹ *Фармаковский Б. В.* Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г.— ИАК, 1903, вып. 8, с. 71—95, № 21, 30, 50, 65, 74, 75, 88, 95, 100, 108.

²⁰ Мы не можем привести более точные подсчеты по некрополю Ольвии римского периода, так как эти материалы не опубликованы.

²¹ *Шкорпил В. В.* Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г.— ИАК, 1904, вып. 9, с. 73—177.

²² *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г.— ИАК, 1907, вып. 25, с. 11, № 34; с. 12, № 40.

²³ Там же, с. 57, № 179 (35).

²⁴ Там же, с. 58—66.

²⁵ *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 г.— ИАК, 1909, вып. 30, с. 3—31.

²⁶ Там же, с. 33—50.

²⁷ *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г., № 147 (3), 152 (8), 154 (10), 176 (32), 179 (35).

²⁸ ОАК за 1877 г.— СПб., 1880, с. XIII—XIV; *Бич О. И.* Первые раскопки некрополя Пантикапея. Дневник раскопок П. Дюбрюкса в 1816—1817 гг.— МИА, 1959, № 69, с. 308; *Гайдукевич В. Ф.* Илурат.— МИА, 1958, № 85, с. 140, 417—419, рис. 79—81; с. 422 и др.

²⁹ *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г., с. 37—38, № 147 (3); с. 41—44, № 154 (10); с. 52—54, рис. 20, № 176; *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 г., с. 16—17, № 64; *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на Юге России.— СПб., 1914, с. 266; *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов.— МИА, 1959, № 69, с. 229, № 2.

- ³⁰ Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г.— ИАК, 1902, вып. 4, с. 96—114; Косцюшко-Валюжинич К. К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1902 г.— ИАК, 1904, вып. 9, с. 1—14.
- ³¹ Косцюшко-Валюжинич К. К. Извлечение из отчета..., с. 14—15.
- ³² Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г.— ИАК, 1906, вып. 20, с. 59—68.
- ³³ Бертье-Делагард А. Л. О Херсонесе.— ИАК, 1907, вып. 21, с. 50.
- ³⁴ Косцюшко-Валюжинич К. К. Извлечение из отчета..., с. 18—31; Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 г.— ИАК, 1905, вып. 16, с. 87—103; Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г., с. 75—93.
- ³⁵ Печенкин Н. Раскопки в окрестностях Севастополя.— ИТУАК, 1905, № 38; Гуцина И. И. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые вв. н. э.— В кн.: Труды ГИМ. М., 1982, вып. 54, часть 2, рис. 7, 11, с. 29, 33.
- ³⁶ Так как широкое использование светильников при погребении в Херсонесе началось только в позднеантичный период и было сравнительно новым для населения города, можно предположить, что этот обычай не оказал сколько-нибудь заметного влияния на окружающее варварское население.
- ³⁷ ОАК за 1892 г.— СПб., 1894, с. 107, № 130; ОАК за 1893 г.— СПб., 1895, с. 61, № 331; ОАК за 1896 г.— СПб., 1898, с. 196, № 796 и др.
- ³⁸ ОАК за 1897 г.— СПб., 1900, с. 115, № 867, с. 116—118, № 888, с. 120, № 903 и др.
- ³⁹ ОАК за 1891 г.— СПб., 1893, с. 148, № 61; ОАК за 1895 г.— СПб., 1897, с. 115, № 603; Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г., с. 62—63, № 1533 и др.
- ⁴⁰ ОАК за 1894 г.— СПб., 1896, с. 60, № 429; ОАК за 1895 г.— СПб., 1897, с. 112—115, № 599; Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г., с. 67—68, № 1551.
- ⁴¹ Косцюшко-Валюжинич К. К., Скубетов М. И. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1907 г.— ИАК, 1911, вып. 42, с. 8, № 2158.
- ⁴² ОАК за 1897 г.— СПб., 1900, с. 127—128, № 987; Косцюшко-Валюжинич К. К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1902 г., с. 2, № 1204.
- ⁴³ ОАК за 1897 г.— СПб., 1900, с. 116—118, № 888, с. 120, № 903; Косцюшко-Валюжинич К. К., Скубетов М. И. Указ. соч., с. 8, 10, № 2158; Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 г.— ИАК, 1905, вып. 16, с. 85, № 1492.
- ⁴⁴ Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г.— ИАК, 1907, вып. 25, с. 128, № 2127; Косцюшко-Валюжинич К. К., Скубетов М. И. Указ. соч., с. 87, № 2419.
- ⁴⁵ ОАК за 1894 г.— СПб., 1897, с. 60, № 429, с. 69, № 502; ОАК за 1895 г.— СПб., 1897, с. 108—109, № 576, 579.
- ⁴⁶ Фармаковский Б. В. Указ. соч., с. 26, 82, 87, 94 и др.; Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г., с. 109, 111, 116, 118, 144, 145, 157 и др.; Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г., с. 11, 12, 57; Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 г., с. 5, 16 и др.
- ⁴⁷ Зубар В. М. Склепы с нишами-лежанками с некрополя Херсонеса.— Археология, 1978, 28, с. 40—41.
- ⁴⁸ Фармаковский Б. В. Указ. соч., с. 13; ОАК за 1903 г.— СПб., 1906, с. 6, рис. 5, 7; ОАК за 1907 г.— СПб., 1910, с. 23—24, 26, склеп № 13; Кулаковский Ю. Две керченские катакомбы с фресками.— МАР, 1896, вып. 19, табл. 12; Соколовский Н. И. Земляной склеп на горе Митридат.— СА, 1959, № 3, с. 221; Фрикен А. Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства, ч. 1.— М., 1892, с. 89.
- ⁴⁹ Косцюшко-Валюжинич К. К., Скубетов М. И. Указ. соч., с. 21, № 2173, с. 19, № 2168; Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1904 г., с. 79, № 1569; Ростовцев М. И. Указ. соч., с. 465, № 2445.
- ⁵⁰ Ростовцев М. И. Указ. соч., с. 259.
- ⁵¹ Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г., с. 110, № 2078.

- ⁵² Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 г., с. 108, № 1170.
- ⁵³ ОАК за 1876 г.—СПб., 1879, с. VII—VIII; ОАК за 1877 г.—СПб., 1880, с. 12, 22—23, табл. II, 7, 8; Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г., с. 40, рис. 15; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство.—М.; Л., 1949, с. 408.
- ⁵⁴ Ростовцев М. И. Указ. соч., с. 350—351, табл. LXXXVIII, 1, с. 355, табл. XC, 1.
- ⁵⁵ Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей.—СПб.; М., 1889, с. 475; Deonna W. L'ornementation des Lampes romaines.—RA, 1927, s. 246.
- ⁵⁶ Петикус А. Г. Олимп или греческая и римская мифология в связи с египетской, германской и индийской.—СПб.; М., 1873, с. 171.
- ⁵⁷ Кобылина М. М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века нашей эры.—М., 1978; Невгеров О. Я. Отражение восточных культов в глиптике Северного Причерноморья.—Сообщения ГЭ, в. 53, 1977, с. 41 и сл.
- ⁵⁸ Соломоник Э. И. Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеантичного времени.—ВДИ, 1973, № 1, с. 57.
- ⁵⁹ Соломоник Э. И. Метрическая эпитафия III в. н. э. (к los PE, 1², 716).—ВДИ, 1964, № 4, с. 144.
- ⁶⁰ Соломоник Э. И. Из истории религиозной жизни..., с. 61 и сл.
- ⁶¹ Там же, с. 70.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Бычков В. В. Эстетика поздней античности.—М., 1981, с. 25.
- ⁶⁴ Соломоник Э. И. Из истории религиозной жизни..., с. 69.
- ⁶⁵ Фрикен А. Указ. соч., с. 91—92.